

Борисевич Михаил Михайлович

канд. юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

АНО ВО «Международный университет в Москве»

г. Москва

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация:** в настоящей статье рассматриваются этапы становления гражданского общества в России и характерные для этих этапов тенденции и особенности. Первый этап связан с периодом феодальной раздробленности и становлением централизованного Российского государства с центром в Москве, второй – с периодом просвещенных монархий и абсолютизма в России, третий – с советским периодом; четвертый – с периодом рецепции западной концепции гражданского общества в России.*

***Ключевые слова:** гражданское общество, тенденции становления общества, благотворительные общества, меценатство, концепции развития.*

Исторические предпосылки становления гражданского общества в России сегодня привлекают внимание многих исследователей [4, с. 22–24; 9, с. 125–129; 10, с. 54–62; 14, с. 124–127; 15; 16; 20, с. 22–27], поскольку позволяют лучше понять трудности, которые сегодня стоят перед нашей страной в данной сфере и предложить пути их преодоления с учетом особенностей исторически сформировавшихся особенностей национальной правовой культуры и национального правового менталитета.

В связи с этим мы не согласны с западно-центристским подходом, который предполагает, что гражданского общества – порождение исключительно западной цивилизации и является изначально чуждым российской правовой традиции явлением. Крайним проявлением такого подхода может стать вывод о том, что гражданское общество в принципе существует только в западной цивилизации, и что в некоторых культурах оно невозможно. Как видится, такой подход не имеет под собой исторических оснований. История любого современного

западного демократического государства знала «черные страницы», от европейских религиозных войн и инквизиции до американского рабства, которые не совместимы с современной концепцией демократии, прав человека и гражданского общества, что не мешает рассматривать эти страны как страны с гражданским обществом и искать исторические предпосылки их становления в таких государствах, корни постепенного «прорастания» прогрессивных форм общественного развития сквозь отжившие и недемократические.

В связи с этим, не видим причин исключать Россию из таких же теоретико-методологических подходов к гражданскому обществу и предлагаем рассматривать исторические предпосылки возникновения гражданского общества в России в широком контексте, как динамический процесс, который с разной скоростью протекал на всем пути исторического развития российского общества и государства.

В связи с изложенным не согласимся с мнением К.Е. Сигалова, который считает, что «социальная реальность развивается во времени и пространстве, являет собой относительный результат исторического развития и фиксацию цивилизационной уникальности. В различных регионах мира этот процесс проходил не одинаково, что обусловило один из парадоксов современности: где-то разумным и естественным считался монархический строй, где-то – республиканский, где-то федеративное устройство имеет многовековую историю, где-то – не выдержало испытание временем. Где-то гражданское общество есть и его наличие абсолютно естественно, где-то к нему пытаются идти, преодолевая политические, экономические, технологические и ментальные барьеры, где-то оно считается чем-то совершенно чуждым, вредным и даже опасным для национальной идентичности. В ряде цивилизаций гражданское общество невозможно в силу целого комплекса причин. В этих цивилизациях нет самих условий возникновения гражданского общества. Ни социально-политические, ни экономические, ни ментальные и духовные обстоятельства жизни этих цивилизаций никак не способствуют его возникновению и существованию, в этих цивилизациях гражданское общество людям не нужно, оно им чуждо, они вполне благополучно

обходятся без него. Гражданское общество в его классическом виде есть порождение исключительно западноевропейской социокультурной и политико-правовой идентичности» [18, с. 3–4].

Как видится, наличие особенностей развития гражданского общества в тех или иных странах еще не свидетельствует об его отсутствии, а само гражданское общество как таковое отнюдь не «монополизировано» западной цивилизацией, которая и сама и в историческом, и в современном виде вовсе не свободна от недостатков, в том числе касающихся сферы развития гражданского общества.

Многие исследователи подчеркивают отличия России, ее исторического пути развития гражданского общества, государства и права.

Например, отмечается, что «Россия имела принципиально иной код исторического развития, нежели Запад. Кардинально отличались общественно-производственная технология, характер собственности, и, соответственно вся архитектура власти. Легитимация властных отношений правом шла совершенно по другим принципам. Гражданское общество как феномен для России не характерно, и оно долгое время не могло появиться. В России никогда не было классического западного феодализма, когда между сеньором и вассалом заключался оммаж – договор, нарушать который было опасно обеим сторонам. В России все были рабами царя, вплоть до екатерининских времен существовали телесные наказания для дворян. Уникальный характер русской собственности обусловил социальную структуру общества, принципы общественных отношений (т.е. тип деятельности) и, соответственно, специфику власти на Руси» [18, с. 3–4].

По мнению исследователей в российской культуре издавна центральное место занимало государство с приоритетом государственного интереса над личным, тотальным вмешательством во все сферы жизни, в том числе и правовую, демонстрирующее незыблемость и непогрешимость верховной власти [13, с. 11–14]. И.Л. Солоневич отмечает в характере русского человека сильный «государственный инстинкт»: «Если у народа не действует государственный инстинкт, то ни при каких географических, климатических и прочих условиях этот народ государства не создаст. Если народ обладает государственным инстинктом,

то государство будет создано вопреки географии, вопреки климату и, если хотите, то даже вопреки истории. Так было создано русское государство» [19, с. 180]. И далее: «Настоящая реальность таинственной русской души – ее доминанта – заключается в государственном инстинкте русского народа – или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития» [19, с. 180].

И.А. Гдалевич считает, что «государство и гражданское общество в своем историческом развитии актуализировали широкий спектр различных схем и типов взаимоотношений. Политико-правовая специфика взаимосвязи государства и гражданского общества имеет два принципиально важных идентификационных признака: первый связан с уровнем совпадения их стратегических, программных целей и интересов; второй касается реального структурного взаимодействия. В этом ключе выделяются различные типы взаимоотношений государства и институтов гражданского общества: слияния, замещения одного другим, раздельного и обособленного существования; гармоничного взаимодействия; противостояния. В контексте решаемых вопросов гражданское общество следует рассматривать в единстве его идеологической (доктринальной) и институционально-функциональной сторон, т.к. именно такой подход позволяет определить формально-юридический и фактический аспект гражданского общества, выделить основные противоречия реализуемого в современной России либерального проекта политико-правовой институционализации гражданского общества, ориентированного на концепцию антиномичности институтов государства и гражданского общества, на результаты деятельности его различных структур по противодействию злоупотреблениям властью и должностными полномочиями на федеральном и региональном уровнях. Концепция антиномичности государства и гражданского общества подчеркивает принципиальные различия в их генезисе, институциональном устройстве, целях развития, интерпретируя возникающие между ними отношения как конфронтационные» [3, с. 6–8].

Учитывая изложенное, рассмотрим основные этапы развития государства и общества в России с целью сделать вывод о том, действительно ли концепция гражданского общества так чужда для нашей страны.

Первым таким периодом предлагаем считать период Древней Руси, а также феодальной раздробленности и первых этапов становления централизованного российского государства с центром в Москве.

Некоторые современные исследователи именно с древнерусского государства ведут отсчет началу развития гражданского общества в России [17, с. 143–146].

С таким подходом не согласны исследователи, которые противопоставляют развитие западного и российского общества в эпоху Средневековья.

Так, по мнению некоторых исследователей, «именно западноевропейское Средневековье породило важнейшие интенции того феномена, который мы вполне обоснованно называем гражданским обществом. То, что происходило в его недрах, породило важнейшие социокультурные, правовые и политические феномены, значимость которых безусловна, ибо именно они сформировали облик современного мира. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен в своем генезисе было обусловлено особым кодом западноевропейского развития, спецификой западноевропейской государственности, значимостью правового регулирования общества. Прежде всего, гражданское общество – это общество горожан. И речь прежде всего идет именно о западноевропейском городе, ибо ни в России, ни в арабо-мусульманском мире, ни в других странах Востока подобного уникального явления не было. Западноевропейский город – это пространство свободы его жителей, это островок республиканизма в окружении океана монархии. В некоторых случаях это были и большие «острова», ибо средневековые города-государства (Флоренция, Венеция, Генуя, Бремен, Гамбург, Любек) имели значимое влияние на становление всего облика Западной Европы. В иерархическом и сословном средневековом обществе, когда неравноправие являлось нормой жизни абсолютного большинства населения, город представлял собой совершенно другой мир. Именно в западноевропейских городах сформировались начала современного права, особенно применительно к правам и свободам личности, здесь лежат начала западных представлений о гражданстве, о равноправии, о конституционном устройстве, разделении властей, корпоративных отношениях и самоуправлении граждан» [18, с. 3–7].

Придерживающиеся подобного подхода исследователи полагают, что «западноевропейские и русские города различались принципиально. Если западные города создавались как промышленные, экономические и торговые центры, то русские города – в первую очередь как административные центры и военные крепости. Причем западные города, как правило, были защищены крепостными стенами полностью, русские города в качестве крепости имели кремль – жилище князя – который был окружен посадами и слободами, где жили ремесленники (вспомним хотя бы топонимику московских улиц). Западные города были островами свободы, республиками внутри монархий или просто вольными городами. Русские города всегда были собственностью князей (исключение – Новгород и Псков). Различия городского права в Западной Европе и России было чрезвычайными, «если право западноевропейских городов выражало свободу горожан, то городское право России было его зеркальным отражением и выражало свободу государства (в лице великих князей, а затем царей), считавшегося единственным и безраздельным собственником земли» [7, с.622–626].

Между тем, при таком подходе из рассмотрения исключаются такие ключевые характеристики развития российского общества и государства на ранних этапах, как отсутствие рабства (в отличие от западной цивилизации, являющейся наследницей античных Греции и Римской империи), более мягкие формы феодальной зависимости на начальных этапах (более жесткие насаждались не в последнюю очередь по западным образцам, например, при так называемой «бироновщине» и в правление императоров и императриц, проводивших вестернизацию российского государства), развитые традиции вечевого демократии (достаточно вспомнить призвание князей или заключение договоров Новгорода с князьями, достаточно серьезно ограничивавших последних в правах, вплоть до возможности изгнания, что и случалось, например, с Александром Невским), проведения земских соборов, большое значение боярской думы и иных совещательных органов (вплоть до того момента, как они стали историческими пережитками и утратили прежнюю ценность). Наконец, города на Руси (которую зарубежные исследователи не случайно называли «Гардарикой» – страной городов)

имели не меньшее значение, чем города в Европе, имели развитые традиции самоуправления, а некоторые (такие, как Новгород) вообще в свое время входили в знаменитый Ганзейский союз.

В связи с этим не считаем возможным противопоставлять исторические тенденции развития средневекового государства и общества в России и в Европе, тем более, что российская средневековая история в некоторых аспектах вообще представляется более благополучной с точки зрения развития гражданского общества, по крайней мере она не знала таких катастрофических для развития гражданского общества и прав человека явлений, как резня в период религиозных войн, крестовые походы, инквизиция и массовое сожжение людей на кострах за веру.

Дальнейшие этапы развития «ростков» гражданского общества в России в эпоху просвещенных монархий и абсолютизма в России также показывает, что оно совершалось в целом в русле общеевропейских традиций.

Например, возникновение общественных организаций в Российской Империи вполне можно рассматривать как проявление развития гражданского общества.

Так, исследователи отмечают, что в Российской Империи в начале XVIII в. формируется традиция меценатства и благотворительности, которая получила развитие в последующие десятилетия. К середине XIX в. в России уже имелся опыт открытия благотворительных обществ, которые оказывали поддержку нуждающимся в области общественного призрения, здравоохранения, образования. Наибольшее распространение получили общественные организации, содействующие развитию народного просвещения. В дореволюционной России существовала сложная система образования, представленная множеством типов учебных заведений с различной ведомственной принадлежностью, что составляло широкое поле для деятельности общественных организаций [11, с. 54–57].

Характерный пример – создание благотворительных обществ. Приведем некоторые сведения только по Восточной Сибири. Так, в связи с бурным экономическим развитием, вызванным либеральными реформами середины XIX в.,

промышленность и предпринимательские круги Восточной Сибири испытывали острый дефицит в квалифицированных кадрах, что обусловило их заинтересованность в эффективной деятельности образовательных учреждений. К концу XIX в. многие состоятельные промышленники и купцы Восточной Сибири инициировали создание благотворительных обществ для оказания помощи нуждающимся учащимся и содействовали открытию многих учебных заведений. К концу XIX в. в Восточной Сибири действовали следующие общества – Общество для оказания пособий учащимся Восточной Сибири (1875 г.), Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам (1881 г.), Общество содействия учащимся в Москве сибирякам (1884 г.). В конце XIX – начале XX в. появляются общества в губерниях и областях: Общество распространения народного образования и развлечений в Иркутской губернии, Общество взаимной помощи учащим и учившим в Иркутской губернии, Общество вспомоществования учащимся Енисейской губернии, Общество вспомоществования учащимся Забайкальской области, Общество попечения о начальном образовании в Нерчинске и т. д. В деятельности этих обществ активно принимали участие купцы и мещане – А.М. Лушников, А.Д. Старцев, Е.И. Голдобин, А.Ф. Второв, В.П. Сукачев, Н.Д. Бутин, М.Д. Бутин, Н.П. Колобовников и др. [11, с. 54–57].

В целом благотворительная деятельность в Восточной Сибири была представлена совместной деятельностью общественных организаций и государства, а также благотворительностью частных лиц. Особо следует отметить меценатство промышленников и купцов. Данная благотворительность отличалась продуманным, заинтересованным отношением к делу, знанием предмета и уверенностью в полезности начатого предприятия. Для некоторых сибирских купеческих семей благотворительность становилась обязательной. Эта традиция передавалась от поколения к поколению, в частности у семей Трапезниковых, Симбиряковых, Бутиных, Второвых. Важным условием работы благотворительных обществ являлась открытость. Публикуемый отчет содержал информацию о целях и задачах организации, размерах доходов, состоянии имущества, количестве лиц, получивших помощь, количестве отказов с указанием причин. К началу

XX в. в Восточной Сибири сформировались устойчивые связи школы, общества и государства, где общественность совместно с властями формировала и оказывала влияние на государственную политику в области образования. Степень влияния граждан на принимаемые властями разных уровней решения может служить одним из важнейших индикаторов развития гражданского общества. Именно он позволяет сделать вывод об уровне развития гражданского общества. На примере деятельности общественных благотворительных организаций в сфере народного образования можно говорить о формировании элементов гражданского общества в Российской империи в конце XIX – начале XX в. [11, с. 54–57].

Некоторые исследователи считают возникновение институтов гражданского общества в России как бы «неправильным» и чуть ли «ненастоящим» в связи с тем, что они создавались нередко под патронажем или по прямой инициативе государства.

С.А. Власова, например, считает, что «эмпирические свидетельства формирования предпосылок гражданского общества в истории России в их специфических характеристиках, конечно, имели место. Но они в условиях тотальной власти государства, его опеки складывались не посредством индивидуальной деятельности человека, который всегда был задавлен тоталитетом, но в тех структурах, которые создавались коллективно и помимо государственного контроля. В качестве таковых можно назвать возникающие в конце XIX в. общественные организации, которые не могут не вызывать интереса в плане исследования проблемы, поставленной в статье. Как негосударственные, т.е. невластные и неполитические, эти объединения были добровольными и вызывались, главным образом, профессиональными интересами либо необходимостью филантропической, благотворительной деятельности. В традициях высокой духовности в городах России (не только столичных, но и в провинции) всегда создавались литературные, артистические, культурно-просветительские и научные объединения (профессиональные и любительские). В ряду подобного рода организаций можно было бы назвать Императорское филантропическое общество, Попечительство

благородных дам, множество обществ, созданных при больницах и приходских домах призрения, общества взаимопомощи и т. п.» [2, с. 114–115].

Однако, на наш взгляд, тенденции создания институтов гражданского общества в России можно рассматривать как особенности отечественного правового менталитета и правовой цивилизации, и, шире – как проявление особенностей отечественной парадигмы взаимодействия гражданского общества и государства, которая была направлена, в основном не на противопоставление (за исключением некоторых исторических периодов), а на взаимодействие и взаимоподдержку. Такая парадигма формировалась в условиях трудных природно-климатических, экономических и геополитических условий, в условиях мобилизационной экономики и идеократической модели существования общества. Эта парадигма обеспечила выживаемость и развитие российского общества и государства на протяжении веков, чем доказала свою целесообразность и историческую перспективность для нашей страны.

Интересен с точки зрения развития гражданского общества в России советский исторический период [12, с. 82–85].

По мнению современных исследователей, и человек в отдельности, и сама система в целом развиваются, обретая новые качества, благодаря воспринимаемой и передаваемой друг другу информации. Чем интенсивнее развитие конкретного человека в его взаимодействии (передаче информации) с другими людьми (элементами системы), тем быстрее совершенствуется сама система. Здесь возникает по меньшей мере три сценария развития ситуации:

1) тотальный контроль государства за поступлением информации: по сути, говорить о гражданском обществе не приходится, поскольку огосударвляется негосударственная сфера жизни граждан. Наиболее ярким недавним историческим примером того, как с помощью информации можно управлять народными массами (понятие «общество», имеющее сложную самоорганизованную динамическую структуру, здесь неприменимо), является СССР, в котором зачатки предгражданского общества существовали не благодаря, а вопреки существующей системе (например, «самиздат», правозащитные организации и т. п.), в целом же

практически все сферы жизни советского человека были подконтрольны государству. Не секрет, что советское общество держалось на советской жесткой идеологии, были воспитаны поколения людей, для которых понятие «советский человек» было особым знаком отличия от остального мира, само это понятие и воспитанная с детства принадлежность к советскому народу создавали определенный психологический «код», с помощью которого государство осуществляло управление на уровне выработки поведенческих программ коллективов людей. Партийная идеология направляла научные исследования, особенно гуманитарные (наиболее подверженные в отличие от технических наук), в нужное, политически ориентированное русло;

2) индифферентное государство: государство не просто устраняется от контроля за гражданским обществом, но и не помогает его институтам формироваться и расти (отсутствует государственная поддержка, благоприятный режим законодательства, налогообложения и т. п.). Это стремление к идеалу правового демократического государства: чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества;

3) смешанный вариант, при котором государство может «вбрасывать» в гражданское общество нужную себе информацию, но намеренно не контролирует все, предоставляя социальной системе гражданского общества возможности для саморазвития с использованием собственной информации и ее обработки [5, с. 30–38].

Таким образом, эта концепция не отрицает существования «зачатков» гражданского общества в советский период, хотя и отмечает их существенные особенности появления и развития.

При этом отмечает, что «если, скажем, наблюдается огосударствление общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю: власти как «неизбежной необходимости» существования

гражданского общества), формируя в ней псевдообщественные институты. Примером таких институтов могут служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строился и функционировал государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти (с помощью «вбрасывания» в общество определенной информации), осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным» [5, с. 30–38].

В то же время, имеется и подход, который полностью отрицает существование каких бы то ни было проявлений гражданского общества в советский период. Например, отмечается, что «попытки ввести городское самоуправление возникли позже и были малоубедительны. Городское самоуправление, реально существовавшее в XIX – начале XX в., очень запоздало и не было сравнимо с западными аналогами, но главное – сам принцип самостоятельного решения своих дел и возможность противостоять амбициям государства не стал имманентной характеристикой русского правосознания. Советский период, когда формально провозглашенный принцип власти народа был подменен диктатурой коммунистических властей, надолго блокировал у большинства населения желание что-либо делать самостоятельно» [18, с. 3–7].

Мы считаем такой подход односторонним и не учитывающим многие реалии развития общества в советский период, например, существование развитых традиций решения обществом многих вопросов самостоятельно, основанных на традициях общинного коллективистского мировоззрения, которое всячески культивировалось и поддерживалось государством на протяжении всего советского периода.

Ярким проявлением элементов гражданского общества в советский период можно считать, на наш взгляд, к примеру, роль средств массовой информации, которые обладали широкими возможностями по вскрытию всевозможных злоупотреблений и стимулировали привлечение к ответственности виновных лиц.

Например, исследователи отмечают, что «вопрос о функциях СМИ как института гражданского общества представляет интерес как с точки зрения их воздействия на государственные институты власти, так и с точки зрения реализации прав и свобод человека, а также взаимодействия с другими институтами гражданского общества. В отношениях с государственными органами власти многие СМИ, если они не являются государственными, выполняют, прежде всего, контрольную и коммуникативную функции. Общественный контроль СМИ не является специальным установленным уставом какого-либо СМИ направлением деятельности. Любое негосударственное СМИ существует лишь постольку, поскольку пользуется спросом своей интеллектуальной продукции у населения. Очень часто люди обращаются в СМИ для защиты своих нарушенных прав, когда иные меры защиты, в том числе судебной, оказались безрезультатными. Стоит отметить, что даже в советские времена, когда СМИ нельзя было назвать независимыми, существовала четкая императивная установка для правоохранительных и иных компетентных органов государственной власти – незамедлительно реагировать на любые критические замечания, обнародованные в СМИ, особенно те, которые касались нарушения прав граждан» [21, с. 45–48].

Такой элемент структуры гражданского общества, как общественные объединения, в советский период, по сравнению с предшествовавшим, вообще получил небывалый ранее подъем и расцвет. Хотя общественные объединения и были под контролем у государства, у них оставалось довольно существенное пространство для автономии и самостоятельного решения своих задач в том, что касалось не политики, а тех культурных и общественно полезных целей, для которых они создавались.

Исторический период конца 80-х – 90-х гг. можно рассматривать как период рецепции западной концепции гражданского общества в России и попытки построения его по западным «лекалам».

Как отмечается в научной литературе, «исторически понятие гражданского общества появляется в период начала формирования правового государства, которое становится его политическим фундаментом и предоставляет права

и свободу личности. Обязательным условием возникновения гражданского общества считается появление у всех граждан экономической самостоятельности на базе частной собственности. Предпосылкой формирования гражданского общества являются ликвидация сословных привилегий и возрастание значения индивида, который превращается из подданного в гражданина с равными экономическими и юридическими правами со всеми другими гражданами» [8, с. 12].

Соответственно, признание частной собственности в России и установление гарантий прав человека по западным образцам, само восприятие концепции правового государства, которая отрицалась в советский период, говорит о том, что именно с этого исторического периода можно вести отсчет современного этапа развития гражданского общества в России.

Особое значение на этом историческом этапе имело принятие Конституции Российской Федерации 1993 года. При обсуждении в проект Конституции предлагалось прямо внести нормы о гражданском обществе, однако в итоговом варианте этого важнейшего правового документа таких статей, или даже специальной главы о гражданском обществе нет.

Т.В. Кашанина считает это предложение довольно спорным. По ее мнению, «конституцию считают, и справедливо, договором между обществом и государственной властью. ... Те, кто предлагает ввести главу о гражданском обществе, тем самым призывают усилить характеристику правомочной стороны. Но не лучше ли обратить более пристальное внимание на обязанную сторону, тем более что социальный опыт показывает: государственная власть склонна злоупотреблять данными ей полномочиями. Анализ конституционного развития стран Западной Европы свидетельствует, что изменения в конституции если там и производятся, то с одной целью – потуже затянуть узду на государственную власть и обезопасить общество от ее своеволия. Есть и другая опасность в случае принятия предложения авторов о детальной характеристике гражданского общества в *Конституции*. Привнесение в Конституцию такого рода группы норм (констатирующих, а не обязывающих) сделает ее похожей на научный трактат. Это снизит ее действенность, которая и так пока не на высоте» [7, с. 622–626].

Согласимся с мнением данного автора и отметим, что, на наш взгляд, поскольку это гражданское общество, оно должно регулироваться преимущественно принципами саморегуляции, в связи с чем давать ему подробное правовое регулирование, а тем более в акте столь высокой юридической силы с таким жестким порядком изменения, не вполне верно и не совсем согласуется с самой концепцией гражданского общества как системой саморегулируемых и независимых от государства институтов.

Список литературы

1. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. – Саратов: Поволжский Институт управления им. П.А. Столыпина, 2013.
2. Власова С.А. Культурно-исторический контекст становления формирования гражданского общества в России / С.А. Власова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №323. – С. 114–115.
3. Гдалевич И.А. Роль гражданского общества в противодействии злоупотреблениям властью / И.А. Гдалевич // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – №2. – С. 6–8.
4. Голубовский В.Ю. К вопросу современного толкования понятия «гражданское общество» / В.Ю. Голубовский, Т.Н. Синюкова // Платон. – 2015. – №1. – С. 22–24.
5. Грудцына Л.Ю. Роль информации в управлении гражданским обществом: философские и правовые аспекты / Л.Ю. Грудцына, А.В. Лагуткин // Журнал российского права. – 2014. – №10. – С. 30–38.
6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права / Т.В. Кашанина. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 250.
7. Кашанина Т.В. Гражданское общество: всесторонний взгляд / Т.В. Кашанина // Lex russica. – 2014. – №5. – С. 622–626.
8. Киселева А.М. К вопросу о генезисе гражданского общества / А.М. Киселева // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2008. – №1. – С. 12.

9. Королев Б.И. Элементы гражданского общества и особенности его формирования в России начала XX века / Б.И. Королев // Научные труды РАЮН. В 2 т. Т. 1. – Вып. 14. – М., 2014. – С. 125–129.

10. Куянова А.В. Гражданское общество в России: актуальные политико-правовые проблемы формирования и развития / А.В. Куянова, А.Е. Юрицин // Актуальные вопросы публичного права: Научно-практический журнал. – 2014. – №2. – С. 54–62.

11. Мамкина И.Н. Благотворительные организации в системе общего образования в конце XIX – начале XX в. как фактор формирования гражданского общества (на примере Восточной Сибири) / И.Н. Мамкина // История государства и права. – 2014. – №20. – С. 54–57.

12. Марченко М.Н. Государство и гражданское общество в СССР / М.Н. Марченко // Вестник Московского университета. – 1992. – №4. – С. 82–85.

13. Медушевская Н.Ф. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – №4. – С. 11–14.

14. Петровская О.В. Формирование предпосылок гражданского общества в Российской империи / О.В. Петровская // Вестник академии права и управления. – 2013. – №34. – С. 124–127.

15. Права человека и гражданское общество в информационном пространстве Российской Федерации: история существования и перспективы развития / под ред. И.В. Комадорова, Е.В. Кузнецова, Ф.Г. Мухаметзянова. – Казань, 2014.

16. Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации: исторический, экономический, юридический аспекты: Сборник материалов V международной научно-практической конференции / науч. ред. А.Н. Ежов. – Иваново, 2014.

17. Сергеев А.В. Древнерусское гражданское общество, государство и их ретроспективы / А.В. Сергеев // Проблемы и перспективы реформирования государственной и муниципальной службы в России: Сборник научных трудов. – Саратов, 2005. – С. 143–146.

18. Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен / К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2014. – №3. – С. 3–7.

19. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 180.

20. Субочев В.В. Гражданское общество как фактор нестабильности политических систем современности: вопросы теории и практики / В.В. Субочев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – №4. – С. 22–27.

21. Уваров А.А. Средства массовой информации как институт гражданского общества (правовые аспекты) / А.А. Уваров // Российская юстиция. – 2014. – №6. – С. 45–48.